

Чэн Е ушёл совсем рано: пары у него стояли первой и второй с самого утра. Остальным требовалось только к третьей и четвёртой, так что соседи соскребли себя с кроватей лишь после третьего сигнала будильника — максимально неохотно.

Возможно, из-за принятого лекарства Ли Цинъюй впервые за долгое время поспал нормальные пять часов. Но этого катастрофически не хватало, а накопленный за неделю недосып сделал его ещё более разбитым.

Общежитие снабжалось общим умывальником на этаже, куда то и дело подтягивались студенты. Шум воды стоял несмолкаемый.

Гу Линь подошёл к Ли Цинъюй с умывальным тазиком в руках и нахмурился, разглядывая его темнеющие синяки под глазами:

— Сяо Юймао, ты опять нормально не спал?

С этими словами он отвесил лёгкий пинок соседу, Сюй Вэйжаню:

— Потихе играй по ночам, а? Мешаешь нашему Сяо Юймао отдыхать.

— Мать твою, я-то тут при чём?! — искренне возмутился Сюй Вэйжань. — Когда я спать ложился, у Сяо Юймао ещё свет горел!

Ли Цинъюй лишь качнул головой:

— Всё в порядке.

Голос его звучал вяло, а белки глаз покрывала отчётливая сетка лопнувших сосудов.

Сюй Вэйжань выжал полотенце и бросил его в таз:

— Да ты совсем себя заездил! Конкурс конкурсом, а спать надо. Выспишься — появятся силы рисовать.

Ещё один их сожитель, Ши Яньпин, тоже подсел ближе:

— Сюй прав, Сяо Юймао. Мне тут младшая кузина-первокурсница привезла мёду. Заскочи ко мне потом, возьми немного, перед сном полезно.

— Твою ж мать, какая ещё «кузина»?! Та самая с приветственного вечера? Врёшь ведь, не верю!

— Староста, обманывать младших нехорошо!

Парни в их возрасте фонтанировали гормонами, так что тема любовных походов заводила их мгновенно. Они тут же затеяли шутиливую перепалку прямо перед раковиной.

Из-за вторичной дифференциации или из-за начавшегося симбиоза, но, несмотря на дикую слабость, чувства Ли Цинъюя обострились до предела. Шумящая вода и громкий хохот парней резали по нервам. Чужое тепло, проходящие мимо люди, случайные касания локтями — всё это вызывало почти физический дискомфорт.

Он отодвинулся в сторону, силой подавляя накатывающее раздражение. Ополоснув лицо, подхватил таз, мечтая только об одном — быстрее сбежать из этого шумного хаоса.

Не успел он сделать и пары шагов, как позади кто-то громко и удивленно спросил:

— Признавайтесь, кто с утра пораньше торт уминает? Откуда так сливочным кремом несёт? Вкусно-то как!

Заслышав это, Цинъюй ускорил шаг.

Забравшись на свою койку и плотно задернув шторы, он нащупал под подушкой спрей-подавитель и несколько раз брызнул вокруг себя. Для верности выпил ещё и ампулу ингибитора, чтобы перекрыть любую утечку феромонов.

Приняв все меры, он принялся — запах исчез полностью.

Ли Цинъюй прекрасно понимал: долго так продолжаться не может. На их этаже полно Альф. Да что там этаж — у них в комнате двое, а Чэн Е к тому же постоянно лезет обниматься и похлопывать по плечу. Какой бы топорной ни была проницательность Чэн Е, рано или поздно он всё поймёт.

Пальцы Цинъюя судорожно сжали простыню.

Придётся съезжать.

В художественной мастерской царила тишина, нарушаемая лишь редкими шагами. Ли Цинъюй устроился у самого дальнего окна. Он не любил, когда его отвлекали во время работы, и это место давным-давно закрепилось за ним.

Студенты полностью ушли в процесс, никто не обращал на него внимания.

Вчерашний подавитель заметно сбил симптомы, похожие на лихорадку спаривания, и даже подарил пять часов сна. По сравнению с прежними бессонными ночами напролёт это был настоящий прорыв. Что же до нервного истощения — стоит только перетерпеть этот период и надёжно утаить статус Омеги...

«Главное — выдержать, сцепить зубы и перетерпеть. Всё наладится. И симбиоз, и синдром дисбаланса феромонов — всему найдётся решение».

Так он пытался себя успокоить.

Во второй половине дня преподаватель дал задание на тему. Эскиз был простым, работы на пару-тройку часов. Однокурсники постепенно сдавали рисунки и расходники, пока в аудитории не остался только Цинъюй.

Он считался лучшим учеником Гуань Яна. Наставник подошёл ближе, взглянул на мольберт и тяжело нахмурился. Его взгляд несколько раз метнулся от холста к Цинъюю, словно Гуань Ян отказывался верить, что эта мазня принадлежит его любимчику.

Лицо преподавателя темнело на глазах. Густые брови сдвинулись к переносице, голос прозвучал свинцово-строгим:

— Цинъюй!

Ли Цинъюй и сам признавал, что сработал отвратительно. Физическая разбитость и непрекращающаяся глухая раздражительность связывали его по рукам и ногам, точно тяжелые цепи. Голова гудела, и даже просто удерживать кисть в пальцах давалось с трудом.

В тоне Гуань Яна вспыхнула откровенная злость:

— Что происходит?! Провалился неделю с болезнью — и заново учиться кисть держать?! Посмотри сам, что ты тут навалял за последние дни! Ты с этим мусором собрался за золотую медаль бороться?! Да ты с такой работой даже провинциальный этап не пройдёшь!

Слова преподавателя били больно, но Ли Цинъюй знал: Гуань Ян зла не желает, им движет лишь горечь досады за зарытый в землю талант. Вот только измотанная психика окончательно похоронила технику. Цинъюй опустил голову:

— Простите, учитель Гуань.

Гуань Ян потёр переносицу и сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь вернуть

самообладание. Переведя дух, он произнёс уже с отцовской мягкостью:

— Цинъюй, ты мой лучший ученик. У тебя есть всё, чтобы взять главный приз. Ты ведь понимаешь это?

— Понимаю.

Преподаватель помялся и осторожно прищурился:

— Цинъюй, ты случайно... не влюбился?

В его практике хватало студентов, у которых с появлением пары вся собранность вылетала в трубу.

Ли Цинъюй отрицательно качнул головой.

— Тогда не понимаю, — нахмурился Гуань Ян. — Если дело не в делах сердечных, отчего ты сам на себя не похож? Ты вообще долечился?! Взгляни на свои синяки под глазами — вылитая панда! Так дело не пойдёт. Сделай перерыв. Следующие пару дней в мастерскую не приходи, отлежись в общежитии. Про конкурс пока забудь, сначала приведи себя в норму.

Гуань Ян знал, что Цинъюй никогда не отличался крепким сном. После развода родителей парень имел скверную привычку бесконечно копать в себе перед сном, отчего спал чутко и тревожно. Во время прошлых соревнований он мог ночевать прямо в мастерской, путая день с ночью, но всегда находил время добрать часы отдыха. Но до такого кошмара ещё ни разу не доходило.

Гуань Ян вздохнул:

— Со сном надо что-то делать. Запиши-ка номер. Это моя знакомая ещё со школы, Бай Фань. Она работает в Первой аффилированной больнице. Если совсем прижмёт — сходи к ней.

Ли Цинъюй послушно сохранил контакты:

— Спасибо, учитель.

Когда Ли Цинъюй вернулся в комнату, там за книгой сидел один Гу Линь. Увидев сожителя, тот удивлённо вскинул брови:

— Ты чего так рано сегодня?

Обычно, если Цинъюй уходил в мастерскую, его не видали вплоть до самого комендантского часа.

Ли Цинъюй лишь кивнул и принялся собирать банные принадлежности, рассчитывая успеть в душ, пока там не толпится народ. Из-за своего нового, шаткого положения он больше не мог, как прежде, настежь распахивать двери и мыться в общей компании.

Он замешкался на пару секунд, выбирая между гелем с ароматом молока и ванили, как вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то вырастает.

Ли Цинъюй вздрогнул и рефлекторно прижал ладонь к затылочной железе, после чего обернулся.

Гу Линь бесшумно подошёл сзади и теперь пристально вглядывался в руку, прикрывающую шею Цинъюя:

— Мне кажется или я учуял какой-то запах?

Ли Цинъюй мгновенно оцепенел.

Гу Линь перевёл взгляд на флакон с молочным гелем в его пальцах и задумчиво протянул:

— Хотя, может, и показалось.

Ли Цинъюй стремительно сгреб молочный гель в банную корзинку и глухо выдохнул:

— Угу.

Дикое смущение и страх гнали его прочь. На пороге он услышал, как Гу Линь — то ли невзначай, то ли намеренно — бросил вслед:

— В западном крыле ремонт закончили. Там в душевых теперь кабинки с дверцами.

Замрев на мгновение, Ли Цинъюй сменил направление и шагнул в сторону западного корпуса.

Вернувшись из душа, Ли Цинъюй сушил волосы на балконе. Дверь в комнату со стуком

распахнулась — с баскетбольной площадки появились Чэн Е и Сюй Вэйжань.

Высокий, подтянутый, с литыми рельефными мышцами благодаря постоянным тренировкам, Чэн Е не выглядел горой мяса, а его яркая внешность обеспечивала ему титул первого красавца Университета А уже третий год подряд.

Открытый и лёгкий на подъём, он сходилась с кем угодно. И пусть порой вспыхивал или вёл себя по-свойски топорно, это ничуть не умаляло его бешеный успех. Статуса первоклассного Альфы с лихвой хватало, чтобы Омеги теряли от него голову.

В комнате жарко топили. Сбросив куртку, Чэн Е по-собачьи повёл носом и прищурился на Гу Линя:

— К нам что, Омега заходил?

Гу Линь хлопком закрыл книгу и выругался:

— Твою мать, я похож на того, кто таскает сюда гостей?! Это Сяо Юймао из душа вернулся.

Ли Цинъюй как раз выключил фен и переступил порог балкона.

Высушенные волосы рассыпались мягким, пышным облаком, чёлка аккуратно падала на лоб. Цинъюй был хрупкого сложения; в широком вырезе домашней футболки виднелись изящные ключицы. Сквозняк с балкона колыхнул подол, на миг обнажив тонкую, ослепительно белую талию. Он стоял против света — настолько изящный и прекрасный, что глаз невозможно было оторвать.

И хотя никакой феромонный фон на них не действовал, парни в комнате на секунду просто опешили.

— Мать твою... Чё-то наш Сяо Юймао после болезни вообще загляденье стал!

— Вот почему оба Беты, а один родился аристократом, а второй выглядит как пахотная лошадь?!

— Господи, у меня грешные мысли на собственного брата! Я согрешил, аминь!

Чэн Е решительно шагнул вперёд, заслоня собой Цинъюя, словно оскалившийся пёс над добычей:

— Развонялись! Глаза разуйте и отвалите. Нашли на кого глазеть — обычный Бета, смотреть

тут не на что.

При этих словах Ли Цинъюй едва заметно вздрогнул. Он опустил ресницы, скрывая вспыхнувшую в глубине глаз боль.

«И правда... Что интересного в совершенно банальном Бете? Всё равно Чэн Е на таких даже не смотрит».

<http://bllate.org/book/20116/1991892>